

Социальная философия

Social Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-858-871>

EDN: WQDYJS

Научная статья / Research Article

Утопическое сознание: антропологическая универсалия и социокультурный конструкт

Е.В. Золотухина-Аболина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

 elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено статусу и роли утопического сознания в социуме и культуре. Автор полагает, что утопический компонент присущ любому человеческому целеполаганию и проектированию. Проект – результат недовольства наличной реальностью, он несет в себе стремление к переменам, радикальным перестройкам, но на первых порах в человеке доминирует желание и еще не оформленный образ – как цели, так и пути ее реализации. Поэтому первая фаза проектирования всегда утопична. В социокультурном проектировании это «образ Эдема», который лишь позже перерастает в реалистичные планы и подбор средств, в учет обстоятельств. Однако утопическая составная в качестве идеала остается вдохновляющим моментом при четком различении идеала и реальности. Утопическое сознание обретает черты иллюзорного, когда идеал переносится в конкретное действительное пространство и время. Тогда люди пытаются либо «переехать» в Эдем, либо перевезти его к себе, либо стремительно его реализовать, спеша и утомляясь. В первом случае происходит отказ от собственного «проекта лучшего», во втором собственный проект пытаются выполнить без учета реальных возможностей. В обоих случаях в силу отсутствия реализма следует разочарование. В исследовании также анализируется утопическое сознание как социальный конструкт, создаваемый влиятельными социальными группами для реализации своих интересов. Этот конструкт распространяется с помощью СМИ. Автор полагает, что идеологии, в том числе производимые наличной властью, всегда одновременно являются утопиями для масс. Коротко рассматриваются две мощные современные утопии – глобалистско-технократическая и консервативно-архаическая, отмечается их нереалистичский характер, ведущий к последующим разочарованиям.

Ключевые слова: утопия, идеология, фантазия, реалистичность

© Золотухина-Аболина Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Универсальность утопического мышления: гносеологический, антропологический и социокультурный аспекты» № 24-28-00743, <https://rscf.ru/project/24-28-00743/>.

История статьи:

Статья поступила 10.02.2024

Статья принята к публикации 01.07.2024

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е.В. Утопическое сознание: антропологическая универсалия и социокультурный конструкт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 3. С. 858–871. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-858-871>

Utopian Consciousness: an Anthropological Universal and a Socio-Cultural Construct

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

 elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the status and role of utopian consciousness in society and culture. The author believes that the utopian component is inherent in any human goal-setting and design. A project is the result of dissatisfaction with the current reality; it carries within itself a desire for change, radical restructuring, but at first a person is dominated by desire and an as yet unformed image – both the goal and the path to its implementation. Therefore, the first phase of design is always utopian. In sociocultural design, this is the “image of paradise”, which only later develops into realistic plans and selection of funds, taking into account circumstances. However, the utopian component as an ideal remains an inspiring moment with a clear distinction between ideal and reality. Utopian consciousness acquires the features of an illusion when the ideal is transferred to specific actual space and time. Then people try to either “move” to Eden, or transport it to themselves, or quickly realize it, in a hurry and getting tired. In the first case, one’s own “project for the best” is abandoned; in the second, one tries to implement one’s own project without taking into account real possibilities. In both cases, disappointment follows due to the lack of realism. The study also analyzes utopian consciousness as a social construct created by influential social groups to realize their interests. This construct is spread through the media. The author believes that ideologies, including those produced by existing power, are always at the same time utopias for the masses. Two powerful modern utopias are briefly examined – globalist-technocratic and conservative-archaic, noting their unrealistic nature, leading to subsequent disappointments.

Keywords: utopia, ideology, fantasy, realism

Funding and Acknowledgement of Sources. The research was supported by a grant from the Russian Scientific Foundation “The Universality of Utopian Thinking: Gnoseological, Anthropological and Sociocultural Aspects” № 24-28-00743, <https://rscf.ru/project/24-28-00743/>.

Article history:

The article was submitted on 10.02.2024

The article was accepted on 01.07.2024

For citation: Zolotukhina-Abolina EV. Utopian Consciousness: an Anthropological Universal and a Socio-Cultural Construct. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(3):858–871. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-858-871>

Введение

Тема исследования – утопическое сознание. Вопрос, который волнует автора – это вопрос о статусе и роли такого сознания в человеческой жизни, обществе и культуре. Издавна существует термин «утопия» по названию работы Томаса Мора «Утопия» (1516 г.), в ней, как известно, описано идеальное, с точки зрения, Т. Мора общество, где отсутствует эксплуатация людей, господствуют равенство и благополучие. Производный от названия «Утопия» термин «утопический» приобрел самостоятельный смысл и в большинстве случаев прочитывается как желанный, но «несбыточный», недостижимый, например, в выражении «утопические фантазии». В жанре утопия/антиутопия, где утопия – желаемое, а антиутопия – пугающее, не желаемое будущее, написано и пишется достаточно много разножанровых произведений. При этом собственно-утопические идеи с середины XX века и по сегодняшний день в большей степени оказались присущи публицистической литературе, в то время как антиутопия стала полем творчества беллетристов, сценаристов и режиссеров, видимо, потому что ужасы всегда нагляднее процветания. Тема утопического сознания во всех ее изводах сопряжена с темой сознания *реалистического*, и в нашу медиа-эпоху, когда на голову любого человека ежедневно сваливается огромное количество разнообразных манящих и завлекающих образов, моделей, лозунгов и слоганов, проблема утопии становится особенно острой: как нам, и индивидам, и обществу, искать реалистический, а не иллюзорный путь? Я не дам в этой работе ответа на подобный вопрос, но попробую хотя бы разобраться в понятиях.

Анализ философско-литературного жанра утопии присутствует в работах многих авторов, среди которых Ф. Аинса [1], Э.А. Араб-Оглы [2], Э.Я. Баталов [3] Э. Блох [4], М. Ласки [5], К. Манхейм [6], Г. Маркузе [7], Т.С. Паниотова [8] и др. В конце 90-х – начала 2000-х годов был защищен ряд диссертаций на тему утопии и утопического сознания: В.В Кондратьев [9], Е.О. Гаврилов [10] и др., есть и работы совсем недавние, например, Г.Д. Леонтьева [11]. Если обобщить мнения исследователей, то обычно под утопическим сознанием понимается, во-первых, вид *социального мечтательства*, который можно рассматривать как широко распространенное, но *частное* выражение мышления о судьбах конкретного общества или вообще человечества. Во-вторых, вид *социального моделирования*, достаточно абстрактного характера, но непременно радикально отвергающего наличное состояние. При этом, несмотря на реверансы и оговорки, термин *утопическое* несет

в себе немалый негативный оттенок, ассоциации с чем-то напрасным и нереалистическим.

Посмотрим, какое позитивное и какое негативное содержание несет в себе то осмысление реальности, к которому можно применять термин «утопическое».

Утопический проект – антропологическая универсалия

На мой взгляд, черты утопического содержит любой *человеческий проект*, любое – социальное или индивидуальное – стремление усмотреть образ желаемого будущего. В этом смысле «личные утопии» существуют также, как и социальные. Любое целеполагание и проектирование на *первой фазе* своего появления выступает в качестве *утопического* проекта просто потому, что человек властно влеком желанием изменить наличную ситуацию, он хочет сменить нынешнее свое положение в мире на иное, более его удовлетворяющее. Потому здесь всегда присутствует *отрицание* и, несмотря на участие диалектического момента, сберегающего связь с предыдущим этапом, это – непременно *расставание* с тем, что «есть сейчас». Но будущее пока абсолютно туманно, оно мыслится как «просто лучшее». Развернутая критика сегодняшнего, теперь отвергаемого дня, может присутствовать, а может и отсутствовать, не суть важно. Важна сама настойчивая потребность в переменах, которых не только ждут, но которые хотят совершить и вглядываются в образ лучшего, начиная *извлекать его из неопределенности*. И первый момент этого извлечения именно «инаковость», *противоположность* по сравнению с тем, что не устраивает сегодня.

Речь идет, несомненно, не о тех запрограммированных этапах человеческой жизни, когда индивид, согласно принятому порядку, просто переходит из одного состояния в другое, например, от учебы к работе. Речь о тех ситуациях, когда от жизни или от деятельности поступают *вызовы*, заставляющие сменить *исчерпавшее себя отношение на другое*. Но контуры этого другого еще неясны. Так, любые личные и социальные проекты начинаются с улавливания «радикально иного», и оно сопровождается *развернутой фантазией* о том, «как все будет», воображаемыми картинами лучшего будущего, которого надо достичь и которое, конечно же, к нашему удовольствию *целиком и полностью воплотится*. И в этой первой фазе порыва к будущему нередко еще *опущен сам путь* достижения желаемого, не просматриваются еще шаги и усилия, та технология, что должна привести к искомому «лучшему состоянию». Будущее нам является в виде *счастливой и вдохновляющей картины*, как будто путь пройден и задуманное состоялось, все скверное осталось позади. И это еще не наступившее будущее оказывается не просто желанным, но и *должным*, потому что *людям должно быть хорошо*.

Так выглядит «утопический проект», выступающий первой, энергетически заряженной, стимулирующей фазой *любого проектирования*. Эти моменты присущи как социальным мыслителям, так и обычным людям. Так,

молодой Маркс в ранних работах строит свою концепцию будущего коммунизма, прямо отрицая основные характеристики буржуазного общества и прославляя человека, который «творит по любым меркам, в том числе и по законам красоты», и лишь в более поздних произведениях, в «Манифесте коммунистической партии», в «Капитале», он начнет думать и об обосновании своих проектов, и о политических формах их реализации. И точно так же девушка, уставшая от наставлений родителей, проектирует, что выйдет замуж и «тогда все будет иначе», рисует образы собственной семейной идиллии, еще не ведая, что у нее будет за жених, откуда он возьмется, и как именно она будет с ним ладить. Но все просто *должно радикально измениться, чтобы стало хорошо!*

Фаза «утопического проектирования» сменяется закономерной фазой более *реалистического* построения планов и выработки стратегий действий ради достижения желаемого. Начинают учитывать и корни ситуации, и связь с прошлым, и сложность обстоятельств, и факторы, препятствующие реализации задуманного. Но – и стоит это подчеркнуть! – без восторженно-абстрактного периода, когда мышление и поведение охвачено порывом к совершенствованию положения дел и балует себя образами этого «как будто уже наличного» совершенства, никакое движение вперед, к реальному улучшению ситуации, невозможно. Потому что последующие усилия, построенные уже на здравом смысле, терпении, упорстве, риске, *продолжат питаться той позитивной картиной, которая была изначально представлена*. Да, она будет корректироваться, соотноситься с реальностью, подстраиваться и перестраиваться, но человек сохранит в себе тот исходный импульс, ради которого все начиналось. Применяясь к непростым социальным и жизненным обстоятельствам и внося поправки в исполняемый проект, человек станет размышлять о первоначальной картине как об *идеале*, который, как линия горизонта «всегда впереди». Он *различит идеал и реальность*, хотя и не разлучит их до конца. Любое реалистическое проектирование, стремящееся максимально соотноситься с наличными обстоятельствами, отчетливо видит неизбежный разрыв между действительностью и идеалом, текущими событиями и ценностями, которые мы стараемся максимально привнести в жизнь. Первый утопический порыв, принявший форму *осознаваемого идеала* – это мудрый и здравый подход к жизни и деятельности, потому что доминирование нигилизма, цинизма, уныния и депрессии, а также трагическое переживание, свойственное *антиутопии*, не может привести не только к «прекрасному будущему», но и ни к какому будущему вообще.

Виды утопических иллюзий: заёмный Рай и скорый Рай

Но бывает и нередко, что люди, социальные группы, политические деятели *как бы останавливаются на первой утопической фазе построения проекта*. Это особенно характерно для тех, чья Утопия представляется *реально существующей, но в другом месте*, как Эдемский сад наслаждений, который

в Средневековье помещали на Востоке за огненной стеной [12]. Убежденность в наличии «лучшего мира» прямо в нашем пространстве-времени заставляет прекратить *собственные поиски способов его достижения*. Легче переехать непосредственно на «острова блаженства» или последовать их примеру. Таким образом, собственный, самобытный проект отбрасывается как заведомо ненужный. Надо только покинуть свои несовершенные края и обрядиться в чужой кафтан. Или можно пересадить чужую культуру на свою почву, и она также дивно расцветет. Историческая драма Петра Первого состояла, на мой взгляд, в том, что, желая укрепить и развить Россию, он огнем и мечом насаждал преклонение перед чужой культурой, и его усилия, с одной стороны, дали мощный военный и технико-технологический эффект, а, с другой, создали тот комплекс национальной неполноценности, которым до самого последнего времени была перманентно больна «русская интеллигенция». Рай ведь всегда в другом месте! Утопия «чужого-лучшего» очень сильна: она чревата отказом от себя и заставляет следовать чужим лекалам. Так совсем недавно многие наши соотечественники искренне считали, что Эдемский сад раскроет нам свои объятия, если мы «вольемся в цивилизованное мировое сообщество»... Поскольку между положением дел «здесь» и «идеализированным там» есть онтологический разрыв, в утопическом поведении он преодолевается попыткой следовать чужому бытию, а не своему, результатом же оказывается некая нежизнеспособная эклектика – ни своего, ни чужого. «Утопичным, – пишет К. Манхейм, – является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его “бытием”. Это несоответствие проявляется всегда в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом “бытии”» [6. С. 164]. На тему несоответствия утопической мечты «стать не собой» еще в конце 90-х годов была выпущена книга Андрея Паршева «Почему Россия не Америка» [13].

Но можно и не пытаться привозить Рай домой из иных пределов. Можно просто в него переехать, дома и вправду почва неподходящая. Утопическими мечтами о западных странах как поле безграничных возможностей *для каждого* были охвачены в 60–80-е годы довольно обширные круги советских граждан. Романтические джинсы, битлы и жвачка манили возможными головокружительными перспективами. Но Эдемский сад был, как и прежде, окружен огненным кольцом – на этот раз кольцом политического запрета на выезд. Феномен запретного плода разжигал воображение, но «вырваться в Рай» могли немногие. Очевидно, однако, что встреча эмигрантов с грубой реальностью хоть и развитых, но не всегда гостеприимных стран, нередко разрушала надежды и была чревата разочарованием, что мы видим хотя бы на примере судьбы А.А. Зиновьева [14] или Э. Лимонова [15], отобразивших факт крушения своих иллюзий в литературном и публицистическом творчестве.

Впрочем, есть и другой вариант *утопического сознания*, который мы тоже видим в истории Советского Союза. Прекрасная страна Утопия в этом случае расположена все же не в пространстве, *а во времени*. Ее еще нет нигде в реальности, ее нужно самостоятельно спроектировать и упорно воплощать замысленное, трудиться годы и десятилетия, чтобы новые, справедливые, гуманные отношения пришли на смену отвергнутым старым. Прежние правила и законы уничтожены, отринуты, и сознание строителей новой жизни должно мощно устремляться в будущее. Именно такое сознание К. Манхейм полагал собственно утопическим, связывая утопию со стремлением «взорвать» наличный порядок вещей. То есть оно предполагает активное, творческое поведение, устремленное на изменение наличного состояния.

Но вернемся к истории России. Вплоть до начала 80-х годов XX века наша страна жила небогато, восстанавливала разрушенное войной, проходила через экономические и политические трудности, но основная масса людей *предпринимала деятельные усилия* для «приближения коммунизма», который и вовсе не считался утопией, а виделся совершенно конкретной задачей. Укрепление военной мощи и завоевание космоса очень поддерживали позитивное настроение масс. Коммунистические идеи и вправду были хороши и привлекательны¹: материальные блага, которые польются полным потоком, от каждого по способности каждому по потребности, всестороннее развитие личности. И даже некоторое снижение прекрасного образа, замена коммунизма на развитый социализм с его дружбой народов и наделении каждого благами «по труду», было принято позитивно.

Казалось бы, страна двигалась к поставленной цели шаг за шагом, уточняя текущие задачи. Но все дело в том, что, с одной стороны, *утопичны были сроки*, назначенные для грядущего коммунизма, который не снимался с повестки дня, а с другой, *диктат партийной бюрократии и неудачи экономической политики* все менее позволяли надеяться на личную скорую встречу с прекрасным будущим. В 1980 году, когда вместо обещанного коммунизма «наступила Олимпиада», народ уже острил и ёрничал в полную силу, и это было выражением разочарования и чувства обманутости в ожиданиях. «Мы же старались! А ничего не произошло!» Впрочем, в недрах партийной элиты тогда уже *зрела новая утопия* – утопия крепкой «дружбы с цивилизованным Западом» и вхождения в мировое сообщество. Этой утопии понадобилось чуть больше десяти лет, чтобы овладеть не только руководством, но и массами. Головы закружились от приближения нового варианта Рая, а потом похмелье все тех же масс было горьким.

Утопическое сознание, когда оно выходит за рамки «ориентации на идеал», *всегда чревато последующим разочарованием*. Оно является стимулирующим и вдохновляющим лишь как первая фаза проекта, в том числе когда эта первая фаза выражена в сказке, картине, поэме, трактате или декларации.

¹ Программа КПСС. Принята XXII съездом КПСС. Режим доступа: https://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/062.htm (дата обращения: 01.02.2024).

Утопическое сознание – результат социокультурного конструирования

Особой проблемой выступает сюжет *сознательного целенаправленного конструирования утопий и утопического сознания*. Общечеловеческая склонность искать свою «Утопию» где-то на карте мира или желать быстро ее создать – черта и отдельных людей, и повседневного массового сознания. Но она используется, эксплуатируется, воспроизводится *правлящими элитами, партиями, лидерами общественного мнения*, которые разрабатывают утопии и внедряют их в общественное сознание. И, разумеется, в абсолютном большинстве случаев делают это не бескорыстно, а получают на базе такого внедрения и огромные доходы, и укрепление властных позиций. Так, собственно, было всегда, но в конце XX и в XXI веке для такого широкого внедрения возникли новые возможности. СМИ стали мощнейшим орудием проведения в жизнь определенных воззрений, формирования убеждений и картины мира. Властные структуры развитых стран принялись самым тщательным образом манипулировать фантазиями как соотечественников, так и обитателей других пределов, поскольку информационные технологии предоставили для это эффективные инструменты.

Здесь необходимо подчеркнуть, что я не вполне солидаризируюсь с уважаемым мной Карлом Манхеймом в вопросе о коренном различии идеологии и утопии, когда идеология – это мировоззренческая модель правящих групп, а утопия – совокупность идей тех, кто желает сам прийти к власти. Мне представляется, что *всякая идеология*, понятая как совокупность ценностей и целей, предлагаемых социуму, и декларируемая в качестве фундаментального проекта, *уже несет в себе черты утопии*, потому что убеждает массы, во-первых, в *благодатности* этого проекта для «всех добропорядочных граждан», а, во-вторых, обещает *скорую реализацию* этой справедливой социальной благодати. То есть идеологи не говорят «мы предлагаем вам ряд идеалов, к которым идти сто верст лесом, а пока вам придется трудиться в поте лица и страдать». Любая политическая элита, воздвигаясь на государственный, а ныне – и на транснациональный Олимп, желает привить прежде всего, тем группам, на которые она опирается, *утопию скорого счастья*. Другой вопрос – какого именно. В этом отношении, пожалуй, были иными только ранние большевики, которые прокламировали жертвенность ради торжества грядущих поколений. Но, как показала история, уже через поколение-другое идея жертвенности перестает быть привлекательной, отсюда и возникла проблема «перехода к другой утопии», что, видимо, для правящих групп СССР было проще, чем пытаться строить *реалистический и вдохновляющий проект* развития России и тех народов, которые она вокруг себя объединила.

Фактически любая идеология, тем более представленная литературными произведениями, кинофильмами, телешоу, выступлениями популярных певцов и актеров, распиаренная известными телеведущими, рисует на базе конкретных историй, впечатляющих нарративов, развлекательных зрелищ *утопический образ совершенного социального строя*, где добро непременно

побеждает зло, где каждый «достойный гражданин» непременно одолевает своих противников и становится счастлив. Счастлив он в результате своей приверженности *именно этому идейному видению мира*, за который он готов сражаться. Необходимо отметить, что идеология-утопия, базирующаяся на изучении общественного мнения, учитывающая желания людей и стремящаяся прийти к им по душе, конструируется так, что оказывается для реципиентов и *морально-правильной (проповедует должное)*, и создает у них чувство *собственной значимости, в пределе – превосходства*. Человек, вполне пропитавшийся идеями идеально-утопической картины мира, чувствует себя выше тех, кто исповедует иные взгляды, потому что он-то точно знает единственно верный подход к действительности! Конечно, дело не так уж часто доходит до полного фанатизма, но идейные споры до драки тоже не редкость.

Коротко взглянем, какие идеологии являются на сегодня весьма влиятельными, выступая одновременно как *утопии-проекты, широко внедряемые в массы*. Моментом конструирования здесь выступает также *«организация моды» на те или иные воззрения*, которая в постиндустриальном информационном мире нередко подкрепляется совокупностью ритуальных моментов, определенным типом одежды, татуировками, лозунгами, слоганами, мемами – рыночный характер социальных отношений позволяет мгновенно произвести весь необходимый антураж для наилучшего внедрения утопических установок в повседневное сознание.

Я не буду на страницах этой небольшой статьи углубляться в споры о типологии идеологий-утопий, просто предложу читателю два обобщенных образа. Первая утопия, совершенно явно конструируемая экономистами, философами, социологами США и Европы, обсуждаемая на страницах сайтов и в блогах, звучащая в политической полемике с экранов телевизоров, это *глобалистско-технократическая утопия*. Она в общем-то исторически рождена из *неолиберального проекта*, но трансформирует его, отказываясь от многих ценностей, которые в течение двух предыдущих веков почитались как ведущие. Неолиберальный проект, философски обоснованный К. Поппером, вообще-то предполагал необходимость отсутствия всякого долгосрочного социального проекта, но на самом деле это просто был проект бесконечно долгого воспроизведения наличной экономической и политической ситуации, что и выразилось в знаменитой книге Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» [16]. Однако социальная динамика оказалась столь высока, что утопия «отсутствия проектов» сменилась концепцией глобализма.

Глобалистско-технократический проект часто связывают с Давосским форумом и именем экономиста Клауса Шваба. Тексты самого Шваба [17], посвященные четвертой промышленной революции и новым технологиям, написаны в рационалистической и мягкой манере, со всеми традиционными гуманистическими экивоками, они говорят о новом этапе капитализма «инклюзивном капитализме» или «капитализме всех заинтересованных сторон». Но автор, который мягко стелет, потом предлагает жестко спать.

В устных интервью он более раскован и откровенен. Так, в ноябре 2015 года Клаус Шваб дал интервью известному американскому журналисту Чарли Роузу, в котором заявил следующее: «... Понимаете, отличие Четвёртой промышленной революции состоит в том, что она изменяет не то, что вы делаете – она меняет вас самих. Если, к примеру, вы принимаете генное редактирование, тогда это именно вы сами и являетесь тем, что подвергается изменению. И, конечно же, это оказывает большое воздействие на вашу личность. Новая промышленная революция открывает множество возможностей, но и провоцирует появление множества вопросов. Мы должны к ним подготовиться². В конечном счете, уже не слова Шваба, а решения, которые принимаются международными организациями, идущими в фарватере США, ориентируют сознание людей на такие «благие перспективы», как: 1. Исчезновение государств как исторически более ранней формы организации общественной жизни и переход к «глобальному миру», руководимому «мировым правительством», опирающимся на транснациональные корпорации, унификация образа жизни и культуры; 2. Фактическую отмену частной собственности, массовое пользование разными видами аренды; 3. Исчезновение «среднего класса» и разделение человечества на узкую правящую элиту, распределяющую блага, и остальное человечество; 4. Сокращение населения ради «сбережения природы» и переход на употребление в пищу насекомых и на искусственные продукты; 5. Вытеснение людей из процесса производства «умными машинами», роботами, нейросетями; переход на выплату «безусловного базового дохода»; 6. Внедрение в организм человека многочисленных чипов, контролирующих поведение и мышление и связанных с мировыми информационными сетями; 7. Ликвидация двух естественных полов и ориентация на «множество гендеров»; 8. Исчезновение религии.

Подобный образ будущего широко рекламируется как идеал и «путь спасения экосистемы» в рамках «зеленой повестки», и надо сказать, что по многим данным европейская молодежь весьма позитивно относится к такому проекту, полагая его и рациональным, и благородным. Хотя проект, несомненно, утопичен по многим причинам. Прежде всего, у абсолютного большинства народов мира нет желания отказываться от своей идентичности, своей культуры, религии и государства, так же как такого стремления нет у их элит. Люди не желают питаться искусственными продуктами, пропадать от безделья и быть неимущими нищими, а последствия внедрения чипов еще во многом неизвестны, к тому же они грозят утратой свободы воли. Но это, скорее, субъективные факторы, а есть еще объективные, в связи с которыми ни при каком искусственном интеллекте такая глобальная система экономики и культуры не будет управляема, тем более что «искусственный интеллект» и не интеллект вовсе, а просто более сложная компьютерная система, программируемая конкретными людьми. Интересно, что по ряду пунктов идеи,

² Био-эко-техно-фашизм: новый общественный строй в представлении Клауса Шваба. Режим доступа: <https://sozero.livejournal.com/8665345.html> (дата обращения: 01.02.2024).

рожденные постлиберальной экономической элитой Запада, совпадают с коммунистическими идеями, например, идея отсутствия частной собственности и мирового правительства. Об этом мы можем прочесть в знаменитом утопическом, фантастическом романе Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» [18]. Но смысл «утопической ситуации» у коммунистов и глобалистов совершенно разный. В советской утопии люди живут изобильно, рожают детей, все творчески трудятся, там нет никакой привилегированной узкой элиты, которая всем правит, состав руководства все время меняется. В глобалистской же модели все ровным счетом наоборот. И тем не менее, широкая пропаганда этой утопии достигает своих целей – формирует массовое сознание, которому хочется в «экологически-технократический рай». В России утопия «инклюзивного капитализма» рассматривается как антиутопия и вредная деятельность [19].

Другая утопия, противоположная предыдущей, может быть названа *консервативно-архаической*. Это ситуация, когда «скорый Рай» должен быть каким-то образом *транспортирован из прошлого*. Видимо, и свойственные ему типы личности должны быть рекрутированы оттуда же. Подобного рода утопии характерны для многих стран, вариант романтического прочтения архаики мы, в частности, можем найти у М. Хайдеггера [20]. В современной России этот вид утопии разрабатывается отчасти церковно-монархическими кругами, отчасти последователями традиционализма Р. Генона. Эталоном для такого рода утопии, выступающей как морально-правильная и позитивная модель желаемого общества, является *Средневековье*.

Утопия предполагает: 1. Возвращение к монархии и сословному обществу, где каждый человек будет в рамках семейной традиции заниматься определенным ремеслом; 2. Воссоединение государства и церкви, где церковь, ее иерархи играют роль духовных наставников и практического руководства светской властью, выполняют роль «сакрального водительства»; 3. Деиндустриализация – демонтаж современной высокотехнологичной промышленности, сворачивание светской науки, переход к аграрной экономике, деурбанизация и массовое внедрение сельского образа жизни; 4. Восстановление многодетной семьи по образцу древней Руси с патриархальными отношениями, властью отца семейства и прекращением темы «женской карьеры», потому что при реальной многодетности карьера возможна лишь в исключительных случаях; 5. Отказ от Дарвиновской теории эволюции, от научно-светских воззрений, установление массовой обязательной религиозности, потеснение светских искусств; 6. Концентрация гуманитарной мысли преимущественно на национальной истории и культуре, сужение контактов с зарубежными коллегами, идейное «самозамыкание». Все перечисленное должно привести к высокой моральности и духовной просветленности, к ситуации, когда отечество, ассоциируясь с Богом и царем, становится сакральным в силу самой религиозной веры.

Консервативно-архаический взгляд в самом начале 90-х годов был ярко выражен в первом номере журнала «Милый ангел», излагающем взгляды традиционализма. В частности, там говорилось: «Третьим уровнем Реставрации Традиции является восстановление сословной иерархии. Если некоторые религиозные традиции (в частности, Христианство, Ислам и Буддизм) не говорят явно о необходимости социальной иерархии, то на практике там, где эти традиции побеждали на социальном уровне, сословная, кастовая иерархия все равно целиком и полностью сохранялась, меняя лишь свою идеологическую специфику»³. Там же ведется речь о Церкви как высшей инстанции, о Помазаннике-монархе и необходимости ликвидации светских искусств. Кстати сказать, эта совокупность идей нередко не принимает облик официально опубликованного текста, но прекрасно существует в виде личного излагаемого нарратива – беседы, проповеди, поучения.

Совершенно очевидно, что это утопия, и при том – утопия не менее опасная, чем стремление превратить всех в киборгах и трансгендеров. Это – «другая крайность», также мало соотносящаяся с реальными обстоятельствами и ни в коей мере не учитывающая интересы ныне живущих людей, их надежды, вкусы и привычки. Убежим от противоречий нынешней жизни в давно минувшие века! Возродим умерший экономический уклад! Кстати, не надо забывать, что утопия эта так же, как глобалистские фантазии, *не содержит идеи справедливости и развития человека*. А вот насчет характера собственности подробного разговора как бы и нет, видимо, собственность феодальная, только непонятно, новообразованное крестьянство должно быть крепостным или нет? И должно ли оно уметь читать или это лишнее?

Тем не менее, такого рода утопические идеи *романтизируются и проповедуются*, кстати, в чем-то сближаясь с «зеленой экологической повесткой». Хотя, конечно, хотелось бы спросить у сторонников архаизации, как они намерены сохранить страну, которая неизбежно включена в техническую, экономическую и военную конкуренцию с другими странами и объединениями? Или она должна, став «аграрной и духовной», пасть под ударами чужого оружия, которое совершенствуется каждый день? Не признавая глобализма как принцип мирового правления, мы не можем не понимать, что уже наличное техническое развитие сделало планету единой, пронизало многочисленными связями и отношениями все уголки земного шара.

Видимо, проблема современного человечества состоит в том, как миновать опасность обеих утопий, двух крайностей, щекочущих воображение обывателя, выгодных определенным социальным группам, но равно разрушительных. Важно понять, как построить мировоззрение и идеологию, которые были бы *в полной мере реалистичны*, не теряли при этом ни импульса к развитию, ни здравого смысла.

---

³ Милый ангел. Режим доступа: <http://angel.org.ru/1/mily.html> (дата обращения: 02.02.2024).

Заключение

Утопический компонент – необходимая и неизбежная черта всякого проектирования. Это образ будущего, построенный «от противного», когда реальные пути достижения искомого еще не усматриваются. Однако это образ желанный и вдохновляющий, несущий богатство фантазии автора, и в последующем реалистическом развертывании проекта он остается «путеводной звездой». Самое главное – оценивать его как идеал и не путать с реальностью.

Утопия способна принимать негативные черты несбыточности и иллюзорности, когда вдохновляющий идеал образа жизни или общества переносится в конкретное пространство сегодняшнего дня или видится как ближайшее, быстро достижимое будущее. Тогда, столкнувшись с несовершенной реальностью, этот образ дискредитирует себя, а человек переживает тяжелое разочарование.

Утопическое сознание не только стихийно рождается в головах людей, живущих повседневной жизнью, но является инструментом манипуляции сознанием, который производится властными или стремящимися к власти группами с помощью современных СМИ.

Двумя мощными линиями сконструированной утопичности выступают, с одной стороны, глобалистско-технократическая утопия, отвергающая все нормы и традиции «ради трансгуманистического будущего», с другой – консервативно-архаическая утопия, желающая вернуть мир в Средневековье. Оба подхода выступают как далекие от реальности. Большой проблемой является построение в современной России такой идеологии, которая не несла бы выраженных черт утопии, а строила реалистический проект будущего, которое будет в равной степени связано с научно-техническим развитием, гуманностью и справедливостью.

Список литературы

- [1] Аинса Ф. Реконструкция утопии. Эссе. М. : Наследие, 1999.
- [2] Араб-Оглы Э.А. Утопия и антиутопия XX века. М. : Прогресс-книга, 1990.
- [3] Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М. : Политиздат, 1989.
- [4] Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1997.
- [5] Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы М. : Прогресс, 1991. С. 170–210.
- [6] Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени М. : Юрист, 1994.
- [7] Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. Т. 6. № 45. С. 18–23.
- [8] Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов-на-Дону : Изд. Ростовского университета, 2004.
- [9] Кондратьев В.П. Утопия и утопическое сознание: опыт социокультурного анализа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. 1998. Режим доступа: <https://www.disserscat.com/content/utopiya-i-utopicheskoe-soznanie-opyt-sotsiokultur-analiza> (дата обращения: 01.02.2024).

- [10] *Гаврилов Е.О.* Социально-философский анализ специфики российского утопического сознания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. 2006. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-filosofskii-analiz-spetsifiki-rossiiskogo-utopicheskogo-soznaniya> (дата обращения: 01.02.2024).
- [11] *Леонтьев Г.Д.* Утопические инварианты «идеального общества»: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. 2019. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/utopicheskie-invarianty-idealnogo-obshchestva> (дата обращения: 02.02.2024).
- [12] *Лучицкая С.И.* Земной рай // Словарь средневековой культуры. Режим доступа: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/medieval-culture/articles/32/zemnoj-raj.htm?ysclid=ls8wx4augb741817557> (дата обращения: 02.02.2024).
- [13] *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка? М. : Родина, 2021.
- [14] *Зиновьев А.А.* Запад. М. : Алисторус, 1993.
- [15] *Лимонов Э.* Исчезновение варваров. Режим доступа: https://modernlib.net/books/limonov_eduard/ischeznovenie_varvarov/read/?ysclid=ls8wq8hvik732904196 (дата обращения: 03.02.2024).
- [16] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2015.
- [17] *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2019.
- [18] *Ефремов И.А.* Туманность Андромеды. Час быка. М. : АСТ, 2023.
- [19] *Катасонов В.Ю.* Великая перезагрузка: открытый заговор против человечества. М. : Тион, 2023.
- [20] *Хайдеггер М.* Вещь // *Время и бытие* М. : Республика, 1993. С. 316–326.

Сведения об авторе:

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42. ORCID: 0000-0002-5954-2758. SPIN-код: 5235-1588. E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

About the author:

Zolotukhina-Abolina Elena V. – DSc in Philosophy, Professor, Southern Federal University, 105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5954-2758. SPIN-code: 5235-1588. E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru